

Екатерина Яшина

Два значка и монетка

Игорь мечтает, что однажды он справится со всеми словами на земле и ответит своему главному обидчику Генке как следует. Тогда подруга Таша будет гордиться им, Игорем, ещё больше! А он сварит для неё кофе по-восточному, как учил дед.

Но в начале учебного года всё меняется. Таша, единственный близкий человек в классе, поверила нелепым обвинениям и правда считает, что её друг мог стащить эти два злосчастных значка и монетку в раздевалке. Как быть, когда все против тебя, а слогги упорно не желают складываться в слова?

EAS

ISBN 978-5-907362-27-7

9 785907 362277

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ

Два зн и м

*Иллюстрации
Мамы Медко*

Екатерина Яшина

ажка онейтка

Москва • 2021

УДК 821.161.1-053.5
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я96

Яшина, Екатерина.

Я96 Два значка и монетка : [для мл. и сред. шк. возраста ; 6+] / Екатерина Яшина ; ил. Маши Шебеко. — М. : Пять четвертей, 2021. — 112 с. : ил. — (Крестики-нолики).

ISBN 978-5-907362-27-7

Когда ты ребёнок, проблемы кажутся огромными, как многоэтажные дома. Но если у тебя есть друг, который всегда поддержит, то с любыми неприятностями можно справиться. У Игоря Кондратьева — Кондика — есть такой друг, Таша. Когда она рядом, ничего не страшно — даже заикаться, отвечая на уроке, под бодрый смех одноклассников. Они всё делают вместе: и играют, и готовятся к урокам, и даже расследуют настоящее дело об ограблении. Но в одночасье жизнь меняется: когда Игоря обвиняют в краже, Таша решает поверить другим, а не своему лучшему другу. И как теперь быть? Как справиться с таким предательством?

Екатерина Яшина по образованию международный журналист, работала в печатных изданиях и на телевидении. «Два значка и монетка» — дебютная книга автора. В повести писательница раскрывает чувства ребёнка, которого не принимают сверстники, и даёт надежду на то, что всё будет хорошо — а это так важно! Великолепно передала атмосферу происходящих событий художница Маша Шебеко.

УДК 821.161.1-053.5
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Яшина Е. Ю., текст, 2021
© Шебеко М., иллюстрации, 2021
© Оформление.
ООО «ИД «Пять четвертей», 2021

ISBN 978-5-907362-27-7

Глава 1

Майник

Кондику не нравились игры на школьном дворе. Не нравилось, когда мальчишки выворачивали карманы брюк, чтобы достать все собранные за неделю богатства и похвастать перед другими. Сокровища на зависть! Чего там только не было: кусочки фольги,

фантики, стёклышки с гладкими краями, выловленные из реки в городском парке, болтики, гайки, остатки стирательной резинки... И, конечно, камни. Те самые камни, которых Кондик ужасно боялся.

Они больно били. По спине, по рукам. Били часто, исподтишка. Кондик плакал и убегал на третий этаж. Туда, где за кабинетом биологии коридор сворачивал резко влево, упираясь в незаметную дверь пыльной тёмной подсобки, доверху забитой швабрами и тряпками, пахнущими сыростью.

Там, в самом дальнем углу, Кондик сидел до тех пор, пока школьный звонок не начинал верещать как дикий, призывая всех на урок.

— Привет, Кондюша, — дверь подсобки скрипнула, и в проёме, освещённом узкой полоской света, возникла Таша. — Литра началась, погнались!

Кондик нехотя встал, отряхнул испачканные в паутине штаны и, испуганно озираясь по сторонам, медленно зашаркал по коридору.

— Опять лезли к тебе?

— Н-н-н-н... — пытался он справиться с простым словом.

— Врёшь ты всё! Ну они у меня получают! — Таша затрясла в воздухе кулаком.

Кондик улыбнулся и вытер мокрый нос белой манжетой накрахмаленной рубашки. Таша была его единственной подругой. Она не давала его в обиду и угощала бабушкиным печеньем. А ещё она хорошо училась, без запинки читала, высоко прыгала и бегала по стадиону быстрее всех. Кондик так не умел.

Зато он умел клеить воздушных змеев из обрезков кальки, которые мама оставляла на швейном столе, умел делать кораблики из веток и листьев, умел хранить секреты и варить кофе по-восточному в латунной турке с узорами-завитушками, как научил его дед.

— Кондратьев, Борисова! — послышался грозный голос за спиной.

Они резко обернулись. От учительской к кабинету русского языка и литературы вышагивала на своих высоченных широких каблуках Алевтина Ильинична. На голове у неё красовался неизменный огромный начёс, в котором крошечной точкой блестела шпилька с круглой бусиной. Других украшений Алевтина Ильинична не признавала. Она читла строгость всегда и во всём.

— Быстро в класс. На свои места, — скомандовала учительница, с силой распахнув дверь кабинета.

Остальные уже сидели, молча уткнувшись в раскрытые книги. Кто-то повторял заученные наизусть строки солнца русской поэзии, кто-то пытался спрятаться от пронзительного взгляда Алевтины Ильиничны, а кто-то мысленно уповал на высшие силы, чтобы не оказаться у доски первым.

Учительница опустила на стул и выпрямила и без того прямую спину, отчего, казалось, стала доставать причёской почти до потолка. Потом зашелестела страницами классного журнала. Остановилась на нужной и провела пальцем снизу вверх.

— Машутин, к доске!

За третьей партой несчастно вздохнул темноволосяй парнишка с оттопыренными ушами.

— Учил? — прищурилась Алевтина Ильинична.

— Учил...

— Тогда прошу! — и она указала рукой на чёрную доску в белёсых разводах.

Коля Машутин, теребя пластмассовые пуговицы на пиджаке и слегка запинаясь, начал вещать:

— Сижу за решёткой в темнице сырой. Вскормлённый в неволе орёл молодой...

Алевтина Ильинична невозмутимо кивала, не сводя глаз с мученика науки.

— Клюёт и бросает, — вдруг застопорился Машутин. — Клюёт и бросает...

Все слова у него в голове внезапно перемешались и стали напоминать отвратительно-ледяную манную кашу с липкими комочками.

— Клюёт и бросает, — предпринял он новую попытку. — Клюёт и бросает...

— Не съел, подбирает! — громогласно закончила Алевтина Ильинична, и класс взорвался от смеха. — Садись, Машутин.

Коля покраснел. Уши его полыхали, как две красные тряпки. Одноклассники тыкали в Колю пальцами и никак не могли уgomониться.

Только Кондик с Ташей не хохотали. Им было жаль лопухого Машутина.

— Кто следующий? — выискивала в журнале очередную жертву Алевтина Ильинична. — К доске пойдёт, к доске пойдёт... Кондратьев Игорь!

Таша погладила Кондика по плечу и скрестила пальцы на обеих руках.

— Не смотри на них и не слушай, дыши спокойно, — тихо-тихо прошептала она.

Кондик подтянул брюки и робко прошёл вперёд, к первым партам.

— Ну-с, — поторопила его учительница, — мы ждём!

Кондик набрал побольше воздуха в лёгкие, стараясь помнить про Ташин совет.

— С-с-си-си-сiju, — заговорил он, — за-за-за решёткой...

— За-за-за, — издевательски зашептались сбоку.

Кондик крепко сжал кулаки, чтобы не поддаться панике. Он глядел на Ташу, а Таша на него, показывая, что пальцы скрещены и теперь всё будет хорошо.

— В те-те-темнице с-с-сырой...

Три четверостишия растянулись на целую вечность. Но Кондик дочитал стихотворение до конца и вернулся за свою парту.

— Ты — молодчина! — радостно прошептала Таша.

И Кондик тоже радовался. Только совсем недолго.

— Это у нас был... — искала нужную букву в журнале учительница.

— Ко-ко-ко-кондратьев, — закудаhtал Генка Иванов, размахивая руками, словно огромными крыльями.

Именно он когда-то начал издеваться над Кондиком и кинул первый злосчастный камень, угодивший Кондику прямо по темечку. Генку слушали все. И хотели с ним дружить, и отдавали ему вкусные

жвачки, лишь бы Иванов принял их в свою компанию, главную команду школьного двора по игре в пять камней.

Кондик отлично знал правила игры: по пять камней на каждого игрока. Нужно подбросить первый камень и, пока он летит и падает, схватить второй и той же рукой поймать первый. Потом, когда в кулаке уже два камня, нужно подбросить второй и, пока он летит, поймать третий, не уронив первый. В общем, нужно подбрасывать и ловить, пока в кулаке не окажутся все пять камней.

Генка Иванов был самым популярным парнем в классе, потому что лучше всех играл в пять камней. Правда, не только благодаря своей ловкости. Он просто не давал никому выигрывать: других толкал под локоть, а себе помогал второй рукой. Но если находился смельчак, который был с чем-то не согласен, Генка тут же настраивал друзей против него и заставлял обзывать.

— Угомонись, Иванов, — велела Алевтина Ильична. — Или ты тоже хочешь к доске?

— Нет, — тут же спустился под парту Генка.

Когда урок закончился, Таша молнией подлетела к Иванову:

— Вот ты дурак, да? Достал уже со своими шутками!

Кондик стоял в стороне. Ему снова хотелось плакать. Хотелось сбежать в свой любимый тёмный угол подсобки и сидеть там, пока не закончится день и уборщица тётя Шура не выставит его за дверь. Ведь это он, он должен защищать девчонок, а не девчонки его. Стыдоба. Но Кондик и обзывать толком не умел. Слова так и застревали у него в горле, не желая вырываться наружу. Поэтому Генка Иванов и прозвал его обидным Ко-ко-ко, которое тут же к нему привязалось. Тупое прозвище и тупой Иванов!

Кондик мечтал, что однажды он справится со всеми словами на земле и ответит Генке как следует. И Таша будет гордиться им ещё больше. А он за это сварит ей кофе по-восточному на маленькой кухне с жёлтой занавеской в белый горошек.

— Ко-ко-ко, ко-ко-ко, не ходите далеко! — отдавались эхом по этажу Генкины насмешки.

Кондик закинул рюкзак на плечо и поплёлся в следующий кабинет. Дальше по расписанию была математика.

Елена Васильевна проветривала класс. Озорной осенний ветер задорно играл с плакатами, на которых

красовались треугольники, ромбы и квадраты. Пахло прохладой, горьковатыми бархатцами со школьной клумбы, горячим хлебом из пекарни напротив и сыростью опадавшей листвы.

Таша потянула носом, слегка прикрыв глаза.

— Обожаю осень!

— Д-д-д-да, — согласился Кондик.

Он любил осень за безмолвие и дожди, которые заряжали с самого утра и, превращаясь в шустрые речки, бежали вниз по бульвару рядом с кукольным театром и книжным магазином. Тогда на улицах никого не оставалось. А он, Кондик, гулял в одиночку под синим зонтом с оранжевой полосой и чувствовал себя самым счастливым на свете. Одному ему было не скучно. Он всегда находил себе приключения по душе. То кормил лебедей в парке, то искал в лопухах блестящих жуков-бронзовок. А если в дождливый парк заглядывала Таша, они играли в знаменитых сыщиков, распутывали загадочные дела и разоблачали бандитов. И никто над ними не издевался, никто не обзывался и не кидался камнями.

— Знаешь, я обнаружила секретное место, — вдруг сказала Таша, доставая из пенала линейку.

— Г-г-г-где? — удивился Кондик.

— Начинаем урок! — с улыбкой объявила Елена Васильевна.

Для Кондика она была самой любимой учительницей. Почти что феей, которая не требовала от мальчика-заики больше, чем он мог. Вместо ненужной болтовни — молчаливые цифры, которые складывались в задачки про пять голубей, трёх слонов и автобусы, выезжавшие из пункта А в пункт Б.

— Помнишь каменную лестницу у фонтана? — наклонилась Таша к уху Кондика.

Он задумался. В парке было много каменных лестниц и целых три фонтана. Один давно не работал, и гранитные рыбы грустно хватали воздух пересохшими ртами. Кондик их даже жалел.

— Там есть тайник! — прошептала Таша.

— Т-т-тайник?

— Да, самый настоящий! Мы спрячем там наше богатство.

Кондик непонимающе поднял брови, и Таша опять зашептала:

— Карты, компас, ещё что-нибудь... Как в книжке о приключениях! И никто не будет знать про наш

тайник! Только мы с тобой, Кондюша! Могила? — Таша приложила палец к губам.

Кондик в ответ что-то промычал.

— И кто там у нас болтает, — по-доброму заметила Елена Васильевна.

Кондик с Ташей замолчали и стали послушно переписывать примеры с доски.

Учебный день подходил к концу. По истории и литературе задали больше всего, а по природоведению — самое интересное: собрать листья клёна, дуба, осины. Таша решила не тянуть с тайником:

— Кондюша, ты домой сегодня сам, без мамы?

— С-с-сам, — кивнул он.

Мама Кондика взяла дополнительные смены на швейной фабрике и теперь не могла встречать сына с занятий, хотя и сильно этого хотела. Но, как говорили ей подруги, это важный и нужный шаг для любого пятиклашки. Так он должен стать по-настоящему самостоятельным.

Правда, Кондик и без того чувствовал себя очень самостоятельным. Например, он мог забить гвоздь, пожарить яичницу и сварить картошку, даже лампочку в настольном светильнике мог поменять, если разрешали взрослые.

— Меня тоже сегодня не встречают, — кивнула Таша. — Пошли скорее!

Чтобы лишний раз не попадаться на глаза одноклассникам, уйти из школы решили через чёрный ход. Школьный повар использовал его для протиривания кухни, иначе пар от готовки супов и пирожков стоял столбом.

Таша и Кондик торопливо шагали по тенистой каштановой аллее, сплошь усыпанной жёлтыми листьями. Кондику нравилось, что новый учебный год начинается именно с сентября, когда ещё не так холодно, как зимой, но уже и не припекает, как летом. Осенью всегда легче дышалось, и лечение шло быстрее. Он не потел от волнения и сосредоточеннее слушал врача. Врач уверял, что всё дело в испуге. Это лечится, но постепенно.

— Вон там, — ткнула Таша пальцем куда-то вдаль, в пёстрый ивовый коридор.

В конце него виднелось что-то серо-зелёное. Это оказался старый засохший фонтан, чаша которого поросла мягким мхом и лишайником.

— А вот и лестница! — добавила Таша и на одной ножке поскакала к исполинским ступеням. — Её

строили великаны! Древний народ, живший в наших краях сотни лет назад...

Кондик засмеялся.

— Н-н-н-нет, н-н-н-ну к-какие в-в-великаны!

— Да ну тебя, — насупилась Таша, — и помечтать нельзя! Просто представь, что волшебство существует! Почему нет?

Кондик про себя восхитился её умением находить невероятное в самом обыкновенном, а Таша продолжила:

— Когда наступает ночь и горожане засыпают в своих тёплых кроватях, в парке зажигаются фонари! Плим! — взмахнула руками Таша. — В тишине пустых аллей из тени деревьев выходят чудесные существа, в пруду бьют хвостом по воде русалки, и гномы просят морских коньков на фонтане дать им немного попить!

Одновременно глянув на гранитных коньков, Таша и Кондик захохотали. И не заметили, как за самшитовыми кустами промелькнул чей-то силуэт.

— Постучи по камню, — Таша присела на корточки возле нижней ступени лестницы.

Кондик пристроился рядом и несмело ударил ладонью по шершавой сланцевой плитке.

— Там пустота! — объявила Таша и нажала на уголок шатающегося камня.

— Д-д-д-да! — поразился Кондик.

Основание ступени раскрылось наподобие крышки от музыкальной шкатулки. Под плоским камнем оказалась небольшая ямка, в которую вполне уместилось всё самое ценное: кулон с лунным камнем на верёвочке, нарисованная от руки карта, компас, линза от сломанных очков и руководство юных

сыщиков, записанное Ташей цветными ручками в карманном блокноте.

— Теперь надо дать клятву, что никто из нас не проболтается о тайнике! Клянусь, — положила Таша руку на сердце.

— К-к-клянусь, — последовал её примеру Кондик. Силуэт за самшитовыми кустами не шевелился.

Глава 2

Страшные подозрения

Дома было пусто. Даже более пусто, чем обычно. Всё стояло на своих местах, но чего-то как будто не хватало.

Кондик обошёл все комнаты. Журналы, как и прежде, пылились на низком столике. В раковине

лежала грязная утренняя посуда. На подоконнике пустил стрелу золотой ус, а на вешалке в коридоре болтались куртки.

Куртки! Ой, нет. Куртка висела всего одна — его собственная. Мамина была на маме, а отцовская спортивная, которую тот надевал только на выходных, чтобы погонять мяч с сыном на футбольном поле, испарилась.

Кондик забежал в родительскую спальню и выдвинул верхний ящик комода, в котором аккуратными стопками хранились папины рубашки. Они пропали. И брюки на вешалке, и носки на полке.

То, чего Кондик особенно боялся, всё же случилось. Он почувствовал себя так, будто в него снова бросили камнем. Только камень попал не по плечу и не по спине, а в самое сердце, и ударил так больно, что слёзы градом потекли из глаз.

Папа ушёл. Он давно грозился...

Ночами Кондик слышал, как родители ругались, как папа кричал, что устал и больше так не может. Как мама плакала от обиды и умоляла остаться. Она просила не отворачиваться от семьи, обещала, что всё устроится и будет как прежде. Папа её не слушал. Он стал приходить с работы позже

и позже, с дурным запахом изо рта. А иногда пропадал на целые сутки. Мама говорила Кондику, что папа занят, много работает, чтобы у них всё было. Но Кондик чувствовал: кругом сплошной обман.

Мальчик включил воду в раковине и принялся намыывать жирные тарелки, чтобы немного отвлечься от неприятных мыслей, которые так и лезли в голову. За мытьём посуды и домашкой Кондик провёл целых три часа. И ему даже стало полегче. На минуту подумалось, что это он всё сам выдумал. А папа от них не уходил. Он уехал в командировку или захотел сменить гардероб. Всего делов-то!

Но мечты разбились об острые скалы, когда щёлкнул замок входной двери и вошла мама с грустными глазами.

— М-м-мам! — помахал ей Кондик из своей комнаты.

Мама попробовала улыбнуться, но получилось не очень хорошо.

— Как дела в школе? Ты обедал? Суп был в холодильнике. И котлеты на балконе. Видел? Всё нашёл? Утомилась сегодня, — не дожидаясь ответа сына, тараторила мама. — Только передохну маленько. Уроки сделал?

— Д-д-да, — только и сказал Кондик. Он стоял на пороге комнаты и держался двумя руками за дверной косяк. Спрашивать о папе было страшно.

— Вот и славно. Вот и славно, — повторяла мама, вешая тонкий шарфик на металлический крючок. — Помою руки...

— Г-г-г-где? — наконец решился спросить Кондик.

Мама встрепенулась и наигранно шлёпнула себя рукой по лбу.

— Забыла! Представляешь? Совсем забыла про мелки. Но тебе не срочно? Так ведь? Да и сыро что-то. Вот подсохнет, мелки тебе принесу. Будешь рисовать что захочешь!

— Н-н-н-нет! — запротестовал Кондик. — Г-г-г-где о-о-он?

— Он? О чём ты, милый? — не понимала мама.

— П-п-п-п-папа! — всхлипнул Кондик.

Мама закусила нижнюю губу и отвернулась.

— Папа. Понимаешь, милый, папе надо было уехать. Но папа вернётся, точно вернётся.

— Т-т-т-ты в-в-в-врешь! — затопал ногами Кондик. — В-в-врешь!

Он затрясся в рыдании. Мама тяжело вздохнула и подошла, чтобы покрепче обнять сына.

— О-о-он н-н-н-не п-п-придёт? Д-д-да? — немного успокоился Кондик.

— Да, родной, — погладила мама его по взъерошенным волосам. — Так бывает, знаешь. Не всё получается, как мы хотим.

Это-то Кондик знал хорошо. Ведь у него редко получалось то, чего ему так хотелось: не заикаться, гонять в футбол во дворе без постоянных шуточек, прочитывать по целому детективу за вечер.

— У взрослых всё сложно. Всё очень сложно.

Кондику хотелось сказать, что и детям бывает нелегко. Но он промолчал, чтобы мама не распереживалась ещё и за него.

— Папе нужна передышка.

— И-и-из-з-за меня?

— Нет! Нет, что ты! Конечно нет! Как ты мог подумать? — всплеснула руками мама. — Папа любит тебя. Очень сильно любит.

— Н-н-н-но о-о-он у-у-ушёл, — печально пожал плечами Кондик.

— Он будет приезжать к тебе. На выходных. И вы будете кататься на колесе обозрения в парке. Тебе же нравится колесо обозрения?

Это был единственный аттракцион во всём городе, который вызывал у Кондика дикий восторг. С замиранием сердца он садился в кабинку, закрывал глаза, открывал через тридцать секунд и чувствовал, как в животе щекочет от страха и радости. Он, словно птица, парил высоко над землёй, глядя на людей-муравьишек, снующих по зелёным аллеям. Сверху всё казалось таким маленьким и смешным, что сразу забывались невзгоды.

— Д-д-д-да! — выдохнул Кондик.

— Вот видишь! — засмеялась мама. — И папа помнит про колесо обозрения. Он всё помнит. И скучает.

— П-п-п-правда?

— Чистая правда! Как только выдастся свободная минутка, папа сразу к тебе примчит.

— П-п-п-почему о-о-о-он т-т-т-так?

Мама не знала, как объяснить то, что она и сама толком понять не смогла.

— Ой! У меня для тебя подарок! Совсем вылетело из головы...

— П-п-п-подарок? — оживился Кондик.

Он обожал сюрпризы.

— Да! Сейчас покажу...

В небольшом белом пакете возле маминой сумки оказался заветный свёрток, перетянутый поверх плотной бумаги длинной бечёвкой.

— Аккуратно, — предупредила мама, — он хрупкий!

Кондик принёс ножницы и принялся разрезать верёвку. Скорее, скорее... Последний узел щёлкнул под лезвиями ножниц, и Кондик ахнул.

В прямоугольной фанерной коробке, на подушечке из тёмно-синего бархата, лежала лупа. На длинной деревянной ручке, с увеличительным стеклом в золотистой оправе. Настоящая, как у секретных агентов или учёных!

— С-с-с-спа-па-пасибо! — от избытка чувств звуки застревали во рту, как крупинки в узком горлышке песочных часов.

Это был подарок мечты.

— Пожалуйста, милый. Теперь ты сможешь поближе рассматривать всяких жучков. И вот ещё... — мама вытащила из сумки большую энциклопедию насекомых.

Кондик прыгал от счастья, обнимал и целовал маму. А ведь это был не день рождения и вовсе не Новый год. Невероятные чудеса!

Обида от папиного предательства притупилась. Её место заняли посиделки на уютной кухне и мамыны

истории о детстве в деревне у бабушки. О летних деньках на веранде с самоваром, о пасеке деда Анатолия и прятках в яблоневом саду с друзьями.

— Как поживает Таша? — спросила мама, обмакивая кубик рафинада в горячий цейлонский.

— Х-х-хорошо, — быстрее, чем обычно, сообщил Кондик.

— Вы по-прежнему сидите вместе на уроках?

— Д-д-да!

— Здорово. С друзьями жить веселее. Правда, сынок?

Кондик и не собирался спорить.

— А с кем ты дружишь кроме Таши? — ласково спросила мама.

На этот раз Кондик промолчал.

— Хочешь, научу парочке игр, в которые мы в детстве играли? А ты потом друзьям расскажешь...

— Н-н-н-нет, — отодвинул от себя чашку Кондик и встал из-за стола.

— Родной, что случилось? Я что-то не то сказала?

Мальчик замотал головой.

— Тебя ведь не обижают, нет? Ты дал слово, что поделишься с нами, если что-то пойдёт не так. Всегда можно перейти в другую школу.

— Н-н-н-не о-о-оби-би-бихают, — заверил Кондик.

Ему не хотелось никакой другой школы. Там не будет Таши, парка с тайником и доброй Елены Васильевны. И вообще, может, там с ним и вовсе не станет дружить никто-никто, а хулиганы окажутся пострашнее Генки Иванова. Нет! Ни за что в жизни.

— Я тебе верю, — кивнула мама, хотя и догадывалась, что сын лукавит.

Ночью Кондику снился неприятный сон, в котором разъярённый Генка гонялся по этажам за Ташей, а сам Кондик бежал так медленно, что никак не мог ей помочь. Потом сон перешёл в другой, совсем ужасный. Трёхметровая лапа великана со всей силы наступила на новую лупу, стекло треснуло и рассыпалось на тысячи мелких осколков. Кондик резко проснулся. Будильник-петух закукарекал, испугав кошку, дремавшую на стуле возле кровати. Кондик насупил и натянул одеяло на голову. Вставать совершенно не хотелось. Но первым уроком было природоведение. А это значило, что занятие пройдёт в парке, прямо на скамейках у пруда.

Мама уже ушла на работу, закрыв на верхний замок дверь и оставив кашу с парочкой бутербро-

дов с маслом на кухонном столе. Кондик шустро почистил зубы, смыл с глаз страшные сны и второпях позавтракал, чтобы раньше всех дойти до парка и проверить тайник. Он переживал за дедов компас.

На улице ярко светило солнце и птицы щебетали как-то по-весеннему, будто и не хотели улетать в тёплые края, подальше от первых заморозков. В зазеленелых лужах блестели и переливались пёстрые отражения опадающих клёнов.

— Кондюша! — вдруг раздалось откуда-то сбоку. На противоположной стороне улицы низенькая фигурка в голубом плаще махала ему рукой.

Таша дождалась, когда светофор загорится зелёным, и перешла дорогу. Её задорные кудри на голове подскакивали вверх и вниз от быстрого шага.

— Доброе утро! — засмеялась Таша.

— Д-д-доброе! — Кондик снял рюкзак и поставил на тротуаре возле своих ног.

— Тяжёлая ноша? Пять уроков! Пять учебников! А им ещё карандаши цветные подавай. Так и надорваться недолго, — пошутила Таша.

— Н-н-нет! — отмахнулся Кондик.

— Не тяжело? А чего ж ты его тогда снял?

— С-с-сейч-ч-час, — он присел на корточки и выудил из большого кармана рюкзака фанерную коробочку.

Петли чуть скрипнули, и на синем бархате сверкнула круглая оправа. Таша закрыла рот ладошками, чтобы не завизжать слишком громко.

— Кондюша! Ты же теперь настоящий Шерлок Холмс! А я — твой верный помощник!

— Д-д-доктор В-в-ватсон, — подтвердил Кондик.

За рассматриванием лупы ребята и не заметили, как пролетело минут десять, а то и пятнадцать. Парк стал наполняться группками школьников. У Кондика по спине забегали мурашки. Он так хотел дойти до парка первым, но ничего не вышло...

— Т-т-тайник н-н-надо п-п-проверить!

— Бежим! Успеем! — Таша дёрнула его за рукав.

Друзья неслись по тропикам, лужайкам и мостикам. Выбирали самый короткий путь до старинной лестницы, но у фонтана наткнулись на учительницу. Кругленькая розовощёкая Надежда Геннадьевна бодро шагала в сторону пруда.

— Кондратьев, доброе утро! Борисова, доброе! Какие молодцы, уже на месте!

Кондик с Ташей переглянулись. Делать было нечего. Пришлось покорно последовать к пруду за учительницей, оставив тайник мирно дожидаться своего часа.

Одноклассники толкались, пихались и боролись за лучшие места на парковых лавочках. Кому-то хотелось сидеть ближе к учителю, чтобы лучше усвоить материал, а кому-то — подальше, чтобы побаловаться и похихикать.

— Тема сегодняшнего урока — водные ресурсы, — воодушевлённо начала Надежда Геннадьевна.

Она умела увлечь даже самых неусидчивых, и слушали Надежду Геннадьевну все, включая главных хулиганов пятого класса. Учительница рассказывала о морях, озёрах и реках. О том, чем природный водоём отличается от искусственного и кто водится на дне горных рек. А потом предложила задавать вопросы. Кондик очень хотел узнать про Байкал, правда ли он такой прозрачный, как на фотографиях в книжке. Но мальчик стеснялся. Лучше пусть другие спросят, а он послушает, вместо того чтобы мямлить и тянуть кота за хвост.

— Я!

— Нет, я! — слышалось со всех сторон.

Первой вызвалась поумничать отличница и задавака Зоя. Ей всегда хотелось быть впереди всех. Зоя встала со скамейки, аккуратно расправила складочки на юбке и начала:

— Вот когда мы с родителями были в кризисе по рекам России...

Пока она хвасталась, Кондик заметил, что на шее у Зойки светится какая-то капелька. Он попытался присмотреться, но Зойка внезапно заметила его взгляд и спрятала подвеску под ворот блузки.

Сердце у Кондика застучало так быстро, что в ушах послышался гул, как от маленьких молоточков, бьющих по наковальне. Что-то подсказывало: их с Ташей тайник перестал быть секретом!

Кондик еле высидел последние пять минут урока. Вот бы скорее убедиться, что ему показалось и все драгоценности до сих пор лежат в углублении под ступенькой! Но Таша выглядела спокойной и невозмутимой. Значит, она не увидела ничего подозрительного. Хоть бы так и было!

Надежда Геннадьевна поставила в дневники оценки, задала домашку на следующую неделю. Кондик уже был на низком старте. Когда прозвучало «все свободны», он схватил сразу оба рюкзака, Ташин и свой, и ринулся к аллее с фонтаном.

— Смотрите, — ёрничал Генка Иванов, — а бега-ет он быстрее, чем разговаривает, наш Ко-ко-ко!

Одноклассникам насмешка понравилась, а вот Кондику было уже всё равно. Он не слышал, что кри-чали ему вслед, не слышал и Ташу, которая просила её подождать. Кондик мчался напролом, через кусты и клумбы, спотыкался о бордюры и корни деревьев, торчавшие из земли, как длинные щупальца гигант-ских осьминогов. Лестница была всё ближе...

Глава 3

«У меня есть идея»

Компас пропал. Пропал и кулон на верёвочке, а вместе с ним линза. Лишь обрывки карты и блокнота устилали дно паркового тайника. Новый камень бросили Кондику в спину, подло и хитро.

Он всё понял. Он точно знал, где искать бесовского воришку.

— Украли! — разозлилась Таша. — И карту порвали! По шее им надавать! Как они пронюхали?!

— Н-н-н-не з-з-знаю, — тихо ответил Кондик. Он думал о серебристом компасе.

— Это Генка! Больше никому!

— Н-н-н-не, — попытался Кондик рассказать о кулоне на шее Зои.

— Ладно, что мы стоим?! Надо всё вернуть! — Таша засучила рукава школьного пиджака и сделала самую суровую гримасу, какую только могла.

— Э-э-э-это, — пытался достучаться до неё Кондик, — н-н-не!

— Я знаю, Кондюша! Знаю, что ты Генку боишься! Но сегодня он точно получит! Хватит уже! Ты со мной?

— Д-д-д-да! Н-н-н-но...

— Никаких «но»! Давай за мной! — Таша нахмурилась и бойко зашагала к выходу из парка.

Кондик решил помолчать немного, а уже возле школы попробовать снова объяснить, что Генка, наверное, о тайнике не знает. Только если Зойка ему не разболтала.

В первом классе Зоя Кондику нравилась — тоненькая, со звонким голосом, очень умная. Он даже почти влюбился в неё. Зоя ходила на все дополнительные занятия, писала лучшие сочинения в классе и красиво рисовала лебедей. Учителя хвалили Зою за отличные отметки, ставили её всем в пример.

Но постепенно Кондик стал замечать, что Зоя — никакой не образец, а обычная воображала, которая смотрит на остальных одноклассников как на дураков. И на своих подруг тоже. Не хватало ещё страдать из-за неё.

Прозвенел звонок на второй урок. Кондик с Ташей успели в последний момент — Алевтина Ильинична уже собралась хлопнуть дверью у них перед носом.

— Кто пришёл последним, тот начнёт первым! — объявила она, пригладив непослушные волосинки на неизменно огромном начёсе. — Борисова, к доске. Сегодня поговорим о глаголах прошедшего времени. Записываем!

В дверь неожиданно постучали, и в класс заглянула завуч.

— Алевтина Ильинична, можно вас ненадолго?

— Выполняйте упражнение сто двенадцать. Борисова — на доске, остальные — в тетрадах, — велела

Алевтина Ильинична и вслед за завучем вышла из кабинета.

В классе стояла тишина. Только пылинки, будто микроскопические парашютисты, кружили в воздухе, вызывая щекотку в носу, от которой кто-нибудь нет-нет да и чихал.

От злости, кипевшей внутри, Таша с силой выводила на доске буквы. Мел под её рукой скрипел и скрежетал так, что ученики затыкали уши.

— Как ногтями по стеклу, — скривился Генка.

— По стеклу, говоришь? — повернулась к нему Таша.

И в этот миг что-то влажное и пахнущее сыростью прилетело Гене Иванову прямо в лицо. Генка от неожиданности вскрикнул, отбросил на пол вонючий комок и стал ногой отталкивать его в сторону.

— Тряпки испугался, трус! — упёрла руки в боки Таша.

— Ну ты сейчас получишь... — Генка приготовил к бою свою ручку-плевалку.

— Т-т-т-только п-п-п-попробуй! — вскочил со стула Кондик.

— Ко-ко-ко!

И в классе началась самая настоящая битва. Со всех сторон свистели бумажные пули и ядра. Гремели снаряды из карандашей и ластиков. Стучали пеналы, рвались тетради и учебники.

— Тихо-о-о-о! — протяжно закричала Алевтина Ильинична, неожиданно возникшая в дверях класса.

Осада парт прекратилась. Смолкли орудия в линейку и клеточку. Дым из мела тихо оседал на головах сражавшихся.

— Дневники мне на стол! До единого!

— Это она начала! — показал пальцем Генка Иванов на всклокоченную Ташу.

— Поговори мне ещё!

— Ябеда! — высунула язык Таша.

— Так! Борисова, Иванов! А вас я попрошу пригласить родителей завтра ко мне в кабинет. Двойки по поведению до конца четверти обоим! Остальные — готовимся к диктанту на этой неделе! Будете знать, как устраивать погром!

Бойцы сразу приуныли, заскулили и стали дружно просить прощения. Но всё было напрасно. Один Кондик ни капли не сожалел о схватке.

— Ты храбро сражался, Кондюша, — сказала Таша на перемене и пожала ему руку.

— С-с-с-спасибо, — улыбнулся Кондик.

Он наконец преодолел свой страх перед Генкой. Больше его никто не обидит!

— Ты вступился за меня, — продолжала Таша, — как рыцарь за принцессу... Ты — мой герой!

Кондик был на седьмом небе от счастья.

— Д-да, н-но т-твоих ро-ро-родителей в-вызвали!

— Ерунда, — отмахнулась Таша, — у меня мама знаешь какая хорошая? И папка такой!

И вдруг Кондик вспомнил то, отчего всю ночь ему снились кошмары.

— А-а-а у-у ме-ме-ня б-больше н-н-нет п-папы...

— Ой! Как же так...

Таша обняла друга.

— О-о-он у-у-ушёл.

— Тьфу! Я думала, умер! Кондюша, нельзя так пугать! — театрально помахала ладонью перед лицом Таша. — А у меня сегодня бабушка сахарные яблочки в тесте печёт. И физра последняя. Слушай, давай сбежим?

— С-с-с-сбежим?

— Ну да! Заберём дневники у русички и... Стоп. А как же наш тайник?! Сначала поймаем Генку и допросим его!

— Э-э-это н-н-не о-о-он! — смог наконец выговорить Кондик.

— Как не он? А кто тогда?

— З-з-з-зоя...

Таша не поверила. Даже потрогала Кондику лоб:

— У тебя температура?

Лоб оказался ледяным.

— С чего ты взял, что это Зойка?

— В-в-видел.

— Что ты такое говоришь, Кондюша? А мне почему не сказал? — зашептала Таша, поглядывая на Зою, которая как раз показалась в конце коридора.

— Н-н-не у-у-у-успел. Ку-ку-кулон!

— Кулончик? Мой лунный камень?

— Д-д-да!

— У неё? У этой воображалы? Зачем ей наши сокровища?

Кондик и сам не понимал, как такая правильная Зоя могла совершить такой неправильный поступок. Что-то тут не складывалось. Вот только что именно?

— Вон она идёт! — Таша скользнула за колонну. — Прячься!

Зоя, под ручку с лучшей подружкой Асей — самой высокой в классе девчонкой, шла из кабинета

русского. Они хихикали и шушукались — явно что-то интересное обсуждали.

— Руки вверх! — высочила из укрытия Таша. — Признавайся, куда ты дела наш клад? На тайнике были твои отпечатки!

— Какие отпечатки? Какой ещё тайник? — захлопала ресницами Зоя.

— Не прикидывайся!

— Ненормальная! Пойдём отсюда, Ася!

— В-в-в-верни ку-ку-ку...

— Курицу?

— Ку-ку-кулон! — показал Кондик на шею Зои.

— Мой кулон? Да вы больные, что ли? — Зоя покрутила пальцем у виска. — А больше ничего вам не надо?

— Быстро верни мой лунный камень!

Таша подскочила к Зое и дёрнула за тесёмку. Нить лопнула, на пол покатился блестящий круглый шарик. Зоя заревела, а Таша быстро схватила упавший кулон. Им оказался маленький серебряный медальон с фотографией внутри. Никакого лунного камня.

— Это не он, — Ташка показала подвеску Кондику. Он понял, как сильно ошибся.

— Вы совсем того... — всхлипывала Зоя.

— Прости, Зойка, — виновато сказала Таша, протягивая ей подвеску. — Я думала, это...

— Ты вообще не думала! У тебя мозгов нет! — прошипела Зоя, пытаясь связать оборванные концы тесёмки.

— П-п-п-прости, — добавил Кондик.

— Не обижайся, Зойка! — подхватила Таша. — Ну ошиблись, бывает... Мы тебя за вора приняли. Заподозрили, что ты тайник наш обчистила.

— Не чистила я никакой тайник! Меня саму обокрали! — распереживалась Зоя.

— Кто обокрал? Когда? — Таша достала из рюкзака новенький блокнот сыщика и приготовилась записывать показания.

— Не знаю! А если бы знала, моё колечко уже бы на пальце было!

— Колечко? — Таша старательно писала в блокноте.

— Да! Золотистое, с красным камушком! Моё самое лучшее!

— У меня тоже кое-что пропало, — влез в разговор Генка Иванов.

— Врёшь! — бросила Таша.

— А вот и нет! Честное слово.

- Ладно, верю. А у тебя-то что украли?
Возле них начали собираться одноклассники.
- Две монеты из Германии. Мне брат с соревнований по лёгкой атлетике привёз.
- Где они у тебя лежали?
- В кошельке, вместе с деньгами.
- А кошелёк?
- Ну... в рюкзаке.
- А твоё кольцо? — Таша повернулась к Зое.

— Я на прошлой неделе сняла его перед физрой, чтобы не потерять. Убрала в потайной кармашек в пиджаке. А после урока смотрю — кармашек пустой!

— Может, укатилось? Дырки в кармане нет?

— Нет там никакой дырки! Я за внешним видом слежу, в отличие от некоторых. И вообще, это наш заика выкрал колечко.

— Зачем Кондику девчачье кольцо?! — засмеялась Таша.

Даже Кондик незаметно улыбнулся.

— Откуда я знаю! Может, он вообще псих!

— Ко-ко-ко! — напомнил о себе Генка.

— Цыц! Я объявляю перемирие в интересах следствия! — Таша подняла вверх указательный палец. — Зойка, а кто-то знал о твоём кольце и потайном кармане? Кто в тот день был с тобой в раздевалке для девочек?

— Никого не было, я первая пришла. Я на все уроки первая прихожу, — заносчиво ответила Зоя.

Таша закрыла блокнот, посмотрела на Кондика, на Генку Иванова, на Зойку, а потом снова на Кондика. Вокруг них собрался уже весь класс.

— У кого-нибудь ещё пропадали вещи недавно?

Где-то за спинами потянулась вверх одинокая рука.

— Нина!

— Я коробочку от монпансье потеряла, с бусинами. Ну, я думала, что потеряла. А теперь засомневалась.

— В школе?

— Да.

— Ясно, ясно. Мой лунный камень, линза, компас Кондика, кольцо, монеты и бусины...

— Компас заики? Он в поход собрался? Ко-ко-ко! — захохотал Генка, а вместе с ним и остальные.

— Ничего смешного не вижу!

— Т-т-точно, — поддакнул Кондик.

— Есть идея...

Идея у Таши и правда была. Очень даже хорошая. Только вот для чистоты эксперимента озвучивать её для всех Борисова не стала.

— Ну, говори давай! — потребовала Зоя.

— Да нет, её доработать надо. Как доработаю, скажу.

И Таша, схватив Кондика за руку, с серьёзным видом зашагала прочь, к самому тихому месту в школе, где никто не мог услышать секретных планов друзей.

— Полагаю, грабитель — девочка, — поплотнее прикрывая за собой дверь подсобки, заявила Таша.

— П-п-п-почему? — не понял Кондик.

— Сам подумай! Кольцо, кулон, бусины. И потом, ты можешь представить хоть одного мальчишку в женской раздевалке?

— Н-н-н-нет...

— Значит, точно девчонка. Про физру не забудь! Сейчас на музыку, а потом быстро уходим, сразу со звонком. Но сначала к медсестре.

— З-з-з-зачем? — Кондик побаивался врачей и школьного медкабинета со странным запахом.

— Скажем, что у меня кровь из носа пошла!

— У-у-у т-т-т-тебя к-к-кровь? — Кондик заботливо протянул Таше носовой платок.

— Не так буквально, Кондюша. Это... как бы правильно назвать... — задумалась Таша. — Ложь во спасение, вот! Всё ради дела о разграбленном тайнике!

Кондик угукнул и убрал платок обратно в карман рубашки.

Фокус со школьной медсестрой прошёл на ура. Капелька гуаши в правой ноздре сделала своё дело. Таше выдали кусок ваты, аскорбинку и велели

доброму однокласснику сопроводить больную домой. От физкультуры освободили обоих. Даже справки выписали.

— Л-л-ловк-к-ко, — поразился Кондик.

— Элементарно! — хихикнула Таша, закидывая в рот аскорбинку. — А теперь погнали за бабушкиными булочками! Только сначала в парк. Хочу кое-что проверить.

— Ч-ч-что?

— На месте расскажу!

Все тропинки, клумбы и кусты уже были прочёсаны. Но ничего нового там не обнаружилось. Таша оставила свою затею найти хоть крошечную улику, которая могла бы привести к воришке.

— Провал, Кондюша. Ничегошеньки. Ни одной зацепки.

— К-к-ка-к-кой за-за-зацепки?

— Которую мог оставить наш вор. Оторванная пуговица или след от ботинка. Настоящие сыщики всегда идут по следу!

Таша хотела уже поворачивать обратно, когда Кондик вдруг исчез между плотными рядами самшита и затих.

— Кондюша, тебе что, по малой нужде приспичило?

— Н-н-н-нет, — засмеялся в глубине зарослей Кондик. — И-и-иди сю-сю-сюда!

Таша просунулась в самшитовые дебри и поняла, что всё было не зря.

— Хочу пожать вашу руку, Шерлок!

Кондик очень гордился тем, что расследование продвинулось вперёд. На его ладони лежал маленький бантик из фиолетовой ткани.

— Шах и мат! Девчонка!

— То-то-точно!

— Может, у неё были туфли с бантиками... Ладно, потом разберёмся. Мы здорово поработали, теперь пора и отдохнуть! Бежим!

...Бабушка Тоня тыкала мучными руками в кнопки пульта в поисках подходящей телепередачи. До возвращения внучки из школы оставалось полчаса, и Антонина Петровна торопилась напечь любимых Ташиных булочек к обеду. Первая партия румяных яблочных колобков остывала на подоконнике, и пора было отправить в духовку противень со второй, но тут раздался протяжный звонок в дверь.

— Здравсьте, приехали! Это ещё кто? — подошла посмотреть в глазок баба Тоня.

На лестничной площадке с улыбкой до ушей стояла Таша, а рядом — худенький темноволосый мальчишка.

— Бабуля, открывай! Мы от голода умираем!

Цепочка на замке звякнула, и дверь широко распахнулась.

— Милости просим, гости дорогие!

Глава 4

Та самая девочка

— С физкультуры, значит, сбежали. Ай-ай-ай, — покачала головой баба Тоня. — Ну проходите к столу...

— Бабуль, ты только маме не говори. Не расстраивай. Её и без того завтра в школу вызывают, —

протараторила Таша, усаживаясь и выбирая себе самое большое яблоко в тесте.

— В школу? А что ты натворила? — удивилась бабушка.

— Я отстаивала свою честь!

— Ишь ты. И как это ты её отстаивала, что маме теперь за тебя краснеть?

— Приняла вызов!

— Вызов?

— Ну да. От Генки Иванова.

— А ты, Игорёк, тоже честь отстаивал? — уточнила Антонина Петровна.

— Д-д-да! — кивнул Кондик.

— Прямо дуэлянты... Ну чай пейте, пейте, пока не остыл.

Бабушка Тоня глянула в окно. Чёрные тучи огромными вóронами летели по небу, закрывая последние светлые кусочки.

— А с утра солнце светило, надо же. Бр-р-р, — поёжилась Антонина Петровна. — Не люблю осень, слякоть эту всю, холод. Солнышка бы побольше.

— Ничего ты, бабуля, в природе не понимаешь!

— Понимаю поболее вашего! В такую погоду только насморк хватать да ноги застужать. А вы

всё мотаешься по холоду. Чего с физкультуры-то удрали?

— Секретное дело! — сказала Таша, отхлёбывая чай.

— Совсем секретное?

— Д-д-да, — поддержал Кондик.

— Даже мне рассказать нельзя? — подмигнула им Антонина Петровна.

Таша сделала вид, что серьёзно обдумывает бабушкин вопрос.

— Никому не сдашь?

— Нет!

— Честно?

— Честное пионерское, — усмехнулась баба Тоня и придвинула табуретку поближе к внучке.

Но Таша внезапно вскочила, крикнула: «Я сейчас!» — и скрылась за занавеской из разноцветных деревянных бусин. Минут через пять она вернулась на кухню в клетчатой отцовской кепке, с карандашом за ухом и блокнотом под мышкой.

— Батюшки! Ташка, ты чего так вырядилась! — затряслась от смеха баба Тоня.

— Я — помощник главного сыщика!

— Ух ты! А сыщик кто? Игорёшка?

- Д-да, — подтвердил Кондик.
- Интересно, интересно... И чем же вы занимаетесь?
- Расследуем странные дела. Правда, Кондюша?
- П-п-правда!
- Ну ничего себе! Настоящие сыщики у нас дома! Чудеса, — умилилась Антонина Петровна.
- Всё взаправду! — напомнила Таша на случай, если бабушка вдруг не поверила.
- Конечно, не сомневаюсь. И что за секретные дела, которые требуют жертвовать физкультурой?
- Бабуля! У нас в классе завёлся вор. Скорее, воровка. Вот доказательство, смотри!
- Кондик вытащил из кармана улику.
- П-п-п-пожалуйста!
- Побрякушка? — подслеповато прищурилась баба Тоня.
- Ба, очки надень!
- Антонина Петровна похлопала себя по карманам передника, достала крупные очки в толстой оправе и водрузила на нос.
- Ну-ка, ну-ка... Бант? На волосах носить? — баба Тоня приладила улику к седым локонам.
- Таша с Кондиком рассмеялись.

— Тебе идёт, бабуль! — ответила Таша. — Но мы думаем, что такие бантики обычно на туфлях бывают. Для красоты.

— Вон оно что!

— Вещдок! Нашли на месте преступления. Ворюшка обронила, когда утаскивала сокровища из нашего с Кондиком тайника в парке. А ещё она украла кольцо у Зойки и монеты у Генки.

— Их тоже в парке ограбили? — любопытствовала Антонина Петровна.

— Н-н-нет, н-н-не в-в-в п-п-парке, — сказал Кондик.

— Тогда с чего вы решили, что вор один и тот же?

Таша сняла кепку и задумчиво почесала голову.

— Почерк преступления похожий...

— Ну раз почерк, тогда не смею больше сомневаться, — улыбнулась баба Тоня. — Как ловить-то будете вора вашего?

— На живца! — выпалила Ташка, и глаза у неё заблестели.

— Это как на рыбалке? А мы в детстве в партизан играли, штабы строили...

Антонина Петровна встала из-за стола, натянула на руки две потрёпанные прихватки-курицы

и вытащила из духовки новый горячий противень с сахарными яблоками. Аромат растянулся по кухне тонким коричневым шлейфом и наверняка выполз в подъезд.

— У меня тоже друг был лучший, Володька. Не разлей вода. Тили-тили-тесто нас дразнили во дворе. В школу вместе, в пионерлагерь вместе, в походы вместе. Везде хвостиком друг за дружкой ходили. А потом уж, постарше, общались совсем редко. Повзрослели, интересы поменялись. Но детство хорошее у нас было, доброе.

— А где он теперь, ба, друг твой?

— Ой, дорогие мои... Несчастье с ним случилось года два назад. Жалко Вовку, порядочный человек был.

— Несчастье? Какое?

— Автомобиль его сбил, — скорбно произнесла баба Тоня.

От этих слов у Кондика перехватило дыхание. В горле встал жёсткий колющий ком. Желание сбежать и спрятаться накрыло с головой. Он весь побелел, только щёки полыхали нездоровой краснотой.

— Зря я вам всё это рассказала. Нельзя детям такие вещи. Ой, дура старая, — бранилась сама

на себя Антонина Петровна. — Игорёша, возьми ещё сахарное яблочко...

Но Кондик уже ничего не слышал. Этот камень прилетел к нему неуклюже, нелепо и неожиданно. Ничто не предвещало такого глухого удара, от которого внутри что-то надломилось и наступила полная пустота.

— Игорёк... — озадаченно позвала бабушка.

— Кондюша, ты чего, — теребила его за плечо Таша.

— М-м-мне д-д-домой н-н-надо, — опустив глаза, ответил Кондик.

— Вот бестолочь, напугала мальчонку бабка, — совсем расстроилась Антонина Петровна.

— Ладно, бабуль, мы секретным делом займёмся, — бодро сказала Таша. — Вкусно всё было, спасибо! Забирай улику, Кондюша, пошли.

— Н-н-нет, я д-д-д-домой, — упёрся Кондик.

Под горемычные охи бабы Тони Таша с Кондиком вышли из кухни в коридор. Таша обняла друга:

— Ты испугался? Мне можно сказать. Я не буду смеяться.

— Н-н-нет. П-п-п-пойду.

Таша поняла, что Кондик и правда хочет побыть один. С ним такое случалось. Таша не настаивала. Значит, так ему лучше, спокойнее.

— Звони, если что.

Кондик прикрыл за собой входную дверь и поспешил на улицу, навстречу грозовым облакам. В его голове, как в старом диапроекторе, картинки с воспоминаниями сменяли одна другую. Вот он на даче с дедом Вовой копает червяков, вот они сушат укроп на зиму, ищут красивые камни в реке, вот ловят колорадских жуков и едят клубнику с грядки. А потом — тревога и неизвестность. Выключенный дедов телефон, возвращение домой со школы в одиночестве. Пустота и привкус солёных маминых слёз на подушке... Деда не стало быстро. В тот злополучный день с утра он был ещё абсолютно здоров, поливал алоэ с кактусами на подоконнике городской квартиры и читал свежие новости в интернете. А после обеда обещал встретить Кондика из школы, чтобы купить картонную модель британского парусника и провести весь день за её сборкой. Дед Вова без умолку болтал бы о светлячках в ночном поле, о мореплавателях, древних городах, загадках истории и подруге детства Тоне, с которой проводил

не одно лето, изучая созвездия Северного полушария во время турслётов. Но судьба решила иначе.

После уроков дед не пришёл. Кондик упорно ждал его у школьных ворот, но так и не дождался. А дома узнал, что дедушки Вовы больше нет. Со всем нет, нигде на свете. И никогда не будет.

Кондик не хотел никому верить. Не хотел ни с кем общаться и принимать соболезнования от соседей, которые нагло, без стука, толпами заходили в его комнату и бубнили, бубнили...

Спустя много дней, когда боль от потери, казалось, начала утихать, появилась другая напасть. Детский доктор называл это красивым словом «логоневроз», а остальные — простым заиканием.

Кондик перестал справляться с речью и подолгу тянул даже самые пустяковые слова, вроде «да» и «нет». Язык и нёбо не слушались, а нижнюю челюсть будто сковало тисками. Врач долго объяснял маме и папе, что случай нередкий и прогнозы чаще хорошие. И теперь придётся уделять ребёнку больше внимания, чем обычно. Больше беседовать, слушать спокойную музыку и бывать на природе минимум три-четыре раза в неделю. Мама соглашалась, а папа сидел сердитый.

Потом отец иногда высказывал маме, что только она одна виновата в странностях Кондика. Детям запрещено рассказывать про смерть, и надо было соврать, что дед Володя уехал на дачу на целый год по срочным делам. Мама не соглашалась, пытаясь достучаться до папы: так не делают, так нечестно, неправильно и низко по отношению к Игорю, который деда обожал.

А Кондику просто виделось, что родители нашли очередной повод для скандала. И если бы не смерть деда Вовы, они бы придумали миллион других тем для ночной ругачки.

Кондик вернулся домой и тихо сидел в гостиной, погружённый в воспоминания. В кармане брюк у него затрезвонил телефон, но отвечать не хотелось. Правда, телефон не умолкал, и Кондик наконец сдался:

— А-а-алло...

— Алло! Кондюша! Ты дома? — с беспокойством спросила Таша.

— Д-д-давно.

— Почему не отвечал? Баба Тоня тут с ума сходит, волнуется! Ты вдруг сорвался... Бабуля тебя обижать не хотела, Кондик. И пугать тоже не хотела.

- В-в-в-верю.
- А что же ты тогда удрал?
- Н-н-надо б-б-было с-с-срочно.
- Всё ведь хорошо?
- К-к-к-конечно.
- Фуф, — выдохнула Таша. — А как наше дело о тайнике? В силе?
- В-в-в с-с-силе, — уверенно сказал Кондик.
- А я план придумала, как нам поймать вора!
- О-о-от-т-тлично!
- Встретимся завтра утром? Часов в восемь, у светофора? Я тебе всё расскажу...
- Л-л-ладно.
- Пока, Кондюша! Не проспи! И от бабы Тони привет! Спрашивает, придёшь ещё к нам?
- П-п-п-приду.

Таша и не догадывалась, что её бабушка была той самой девочкой из невероятных историй деда Вовы о детстве. Кондик не смог ей рассказать, не захотел ворошить прошлое, такое прекрасное и тёплое, от которого теперь осталась только льдинка в груди, как у Кая из «Снежной королевы». Льдинка болела и не хотела таять. Кондик скучал по дедушке. Сильно скучал...

Утро встретило темнотой за окном, шуршанием капель в ветвях и по крышам. Город дремал и не хотел просыпаться, с головой укрывшись одеялом из жёлтых листьев.

Кондик наслаждался лучшим временем года. Не было игр на школьном дворе, не было хулиганов, которые не пускали его в школу, пока он не назовёт пароль. А паролем всегда служила фамилия Кондика, и мальчишки в очередной раз издевались над заикой с дурацким прозвищем Кокко-ко. Но дождь умел смывать со двора всех обидчиков разом. Кто же решится промокнуть до нитки только ради того, чтобы доставать тех, кому и так вечно достаётся!

— Не опоздал! — шмыгала Таша красным от холода носом. — А я вот чуть не проспала, представляешь!

Кондик в ответ только улыбался. Настроение у него было отличное. Утро оказалось и правда мудренее вечера, оставив позади всё, что болело и никак не исчезало.

— До звонка мало времени, поэтому расскажу по дороге!

— Х-х-хор-р-рошо.

И Таша стала красочно описывать все пункты своего продуманного до мелочей плана по поимке воришки.

— Принесём в класс что-нибудь красивое!

— Ч-ч-что?

— Мою перламутровую заколку и стеклянного слоника или твой колокольчик на нитке. Ты же помнишь, наш вор, как сорока, любит всё блестящее!

— Д-д-да, — согласился Кондик.

— Обязательно покажем сокровища перед всем классом, будто невзначай. На переменке положим

приманку на видном месте, а сами спрячемся так, чтобы было видно вход в кабинет.

Кондик не совсем понял, что собирается про- вернуть Таша.

— Наш грабитель не сможет устоять перед цен- ностями и захочет их стащить. А чтобы сделать это незаметно, он должен будет остаться...

— О-о-один! — наконец догадался Кондик.

— Умница! Ученик, который на перемене тайком зайдёт в класс, и будет нашим главным подозрева- емым! Возможно, враг ближе, чем кажется. Нельзя доверять никому, Кондюша! По рукам?

— П-п-по р-р-рукам!

Холл был забит учениками в мокрых плащах и куртках, с разноцветными зонтами и сменкой в пакетах. Дежурные внимательно следили за чи- стотой и заставляли всех переобуваться в разде- валке, чтобы не разносить грязь по кабинетам.

Начался первый урок. За партами сидели угрю- мые лица с медленно моргающими глазами. Поло- вина класса заразительно зевала, другая половина без конца тёрла глаза. Только Таша была начеку и с подозрением оглядывала всех одноклассниц.

— Что думаешь? — прошептала она Кондику.

— О-о-ответ д-д-два, — Кондик подвинул к ней тетрадь с решением.

— Про воришку, Кондюша. Кто это, по-твоему?

Но Кондик не знал. Задачки по математике казались гораздо проще. Есть цифры, есть знаки. Расставляешь их правильно и вычисляешь. А вычислить преступника было гораздо сложнее.

— Может, Ольга? Нет, вряд ли. А Женька?

— Н-н-не д-д-думаю... К-к-ключ-ч-чи! — спохватился вдруг Кондик.

— Ключи? У тебя есть ключи к разгадке?

— Н-н-нет, о-от д-дома з-забыл в-в-в к-куртке.

Игорь поднял руку и попросился выйти. Елена Васильевна одобрительно кивнула и продолжила рассказывать о делении натуральных чисел.

Школьные коридоры пустовали. Кондик спустился в раздевалку. Вешалки в просторном помещении с покатым потолком стояли ровными рядами. На каждой цифра и буква класса, чтобы ученики не запутались. Игорь нашёл вешалку пятого «Б» и стал перебирать верхнюю одежду в поисках своей куртки. Ключи сразу отыскились в нагрудном кармане вместе с запасной пуговицей от рубашки и помятым фантиком от жвачки. Кондик хотел уже уходить, когда в самом дальнем

углу раздевалки что-то зашуршало. Осторожно ступая по скрипящим половицам, он двинулся навстречу неизвестности. Кондик много раз слышал от одноклассников, что в раздевалке водятся страшные крысы, размером со средних собак, которые могут даже напасть и укусить. Было жутковато, но интересно. Ведь настоящие сыщики не должны бояться опасностей!

Шуршание становилось всё ближе и ближе. У Кондика от напряжения волосы на голове встали дыбом. Он повернулся к вешалке десятого «А» и замер от изумления. Крыса оказалась вовсе не крысой, а человеком.

— Т-т-ты? — вытаращил глаза Кондик.

Глава 5

«Мой одноклассник — вор!»

— Заика! Ты зачем пугаешь? У меня чуть сердце не остановилось.

— Ч-ч-что т-т-ты д-д-делаешь? — Кондик с подозрением смотрел на Асю, прятавшую в руке какой-то предмет.

— Кое-что потеряла. Тебе-то чего? Иди куда шёл, Ко-ко-ко!

— Т-т-ты в-в-вор-р-руешь? — никак не мог поверить Игорь.

— Дурак!

Ася резко толкнула Кондика. Он покачнулся, упал и больно ударился коленкой.

— Б-б-бант! — закричал Игорь, заметив отсутствующую деталь на Асиной туфле. — Э-это т-т-ты!

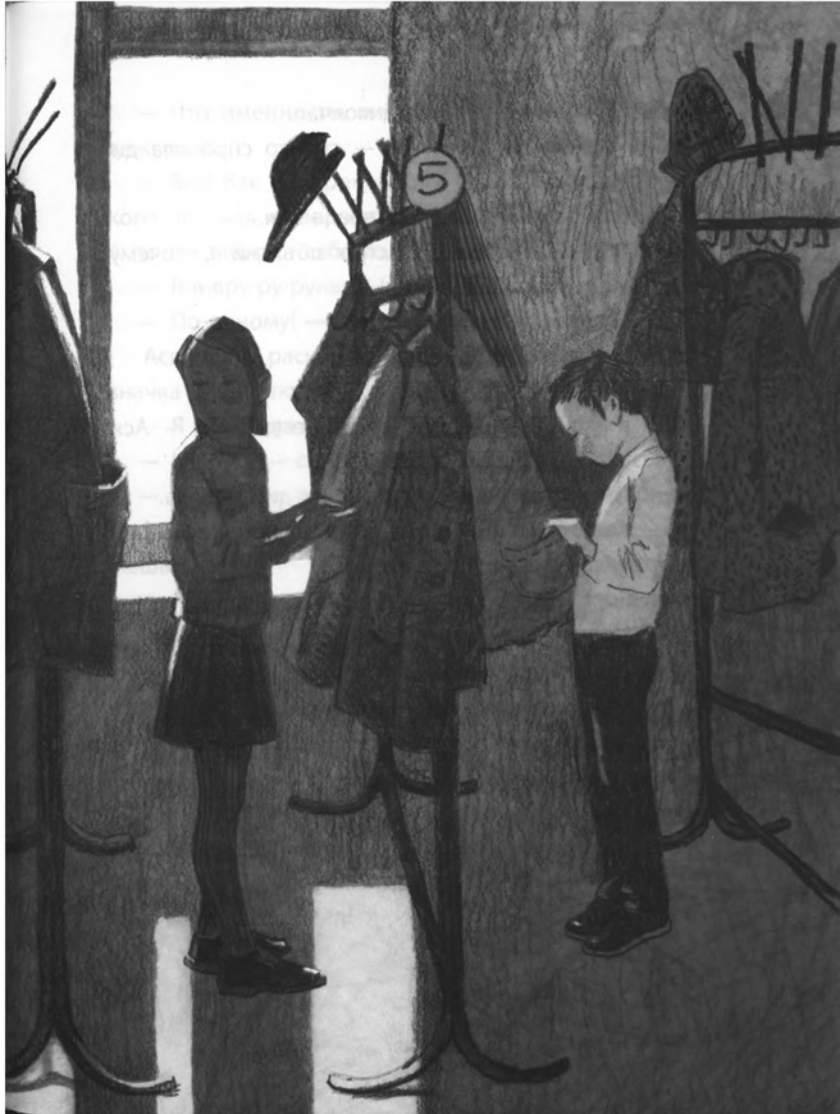
— Замолчи! Замолчи сейчас же!

— Т-т-ты! К-к-как т-т-тебе н-н-не с-с-стыд-д-дно?

— А-а-а! — завопила вдруг Ася на всю раздевалку.

Кондик закрыл уши руками и зажмурился — вой сирены-Аси был невыносимым. Наконец всё стихло. Кондик приоткрыл один глаз и опешил. Над ним в кружок стояли уборщица со шваброй, школьный охранник, директриса, дежурный и завуч по воспитательной работе. Когда все они успели появиться, он так и не понял.

— Вот он, вот! — заверещала Ася. — Копался в чужих куртках, я у него отобрала, смотрите... — она разжала ладонь, в которой лежали два значка и десятирублёвая монета. — Хорошо, что я его поймала!

Кондик в растерянности молчал.

— Что здесь стряслось? — сурово спросила директриса.

— Это он! — настойчиво врала Ася.

— Кто он, что он?! Быстро объясните, почему всю школу подняли на уши!

— Он — вор.

— Фамилия?

— К-к-ко-ко...

— Ко-ко-ко, ко-ко-ко, не ходите далеко, — Ася показала Кондику язык.

— Прекратите цирк! — отрезала директриса.

— Ко-ко-ко-кондратьев, — пробормотал Кондик и поднялся с пола.

— Вор! — стиснув зубы, прошипела Ася.

— Медленно и сначала, — велела директриса.

Ася не дала Кондику и пикнуть.

— Мой одноклассник — вор!

— Это серьёзное обвинение, — сдвинул брови дежурный.

— Ещё бы!

— Н-н-не-п-п-правда! — замотал головой Игорь.

— А вот и правда! — надрывалась Ася. — Я сама всё видела!

— Что именно ты видела, девочка? — уточнил дежурный.

— Всё! Как он прокрался в раздевалку, пока никого нет, как выворачивал карманы чужих курток. А потом забирал себе то, что там лежало!

— В-в-вру-ру-рунья, — разволновался Кондик.

— По одному! — скомандовала директриса.

Ася опять раскрыла ладонь, показала всем два значка и монетку.

— Я отобрала это у него.

— Н-н-нет! — сопротивлялся Игорь.

— Да! У нас давно орудует воришка! Наконец я его поймала с поличным! Что ты теперь скажешь?

— Ко мне в кабинет, с дневниками и классным руководителем для дальнейших выяснений, — поставила точку в споре директриса. — Дежурный, проследите за дисциплиной.

— Хорошо, Вера Викторовна.

Кондик и Ася в сопровождении дежурного вошли в класс незадолго до звонка. Ученики сразу зашептались.

— Доброе утро, — поздоровался дежурный. — Нарушителей привёл.

— Так-так-так, — огорчённо вздохнула Елена Васильевна. — Кондратьев, Тимохина, как же вы?..

— Это всё он! Пусть Ко-ко-ко и расскажет, — не унималась Ася.

— Нельзя обзывать, Тимохина!

Кондик спокойно прошёл к своей парте, сгрёб учебник, тетрадь и ручку в рюкзак, а дневник оставил.

— Кондюша, — испуганно посмотрела на него Таша, — ты где был?

— В-в-в р-р-разде-де-девалке.

— Нашёл ключи?

— Д-д-да.

— Почему ты с дежурным?

— П-п-потом, — отмахнулся Кондик.

Дежурный внимательно наблюдал за ним и ждал, когда он соберёт вещи.

— Всё ведь нормально? — уточнила Таша.

Игорь не успел ответить.

— Кондратьев, Тимохина, не задерживайтесь.

Ася шепнула что-то Зойке на ухо и покосилась на Кондика. Уходя, он краем глаза видел, как Зойка подняла руку, в нетерпении ёрзая за своей партией. Похоже, ей не терпелось что-то рассказать

всему классу. Кондик мечтал прямо сейчас оказаться в уютной тёмной подсобке, где бы его никто не нашёл...

Но вместо подсобки Кондика с вруней-воришкой завели в большой светлый кабинет. У окна стоял дубовый стол, рядом — массивный книжный шкаф с лесенкой и стул, обитый тёмно-зелёной тканью. Повсюду было много комнатных растений: на подоконниках, на тумбе, на шкафу и даже на полу.

— Садитесь, — директриса, не поднимая головы от документов, махнула рукой на узкий диван с деревянными подлокотниками.

Ася с Кондиком послушно уселись. Вера Викторовна сосредоточенно просматривала свои бумаги. Отвлеклась она только тогда, когда в дверь постучали.

— Да-да, входите!

— Можно? — уточнила Людмила Юрьевна, классная руководительница пятого «Б».

— Нужно, — директриса наконец отложила бумаги в сторону. — Ваши нарушители?

— Мои, — покраснела учительница.

Ученики с виноватым видом смотрели в пол. Вот только Кондик по-настоящему испытывал чувство

вины, хоть и сам не понимал, в чём провинился, а Ася вынашивала очередную хитрость.

— Ася, Игорь, что вы натворили?

— Я — ничего, — сразу же соврала Тимохина.

— Игорь? — повернулась учительница к Кондику.

— Э-э-это н-н-неп-правда!

— Что неправда? Ничего не понимаю. Вера Викторовна, может, вы объясните?

— Что ж, я, пожалуй, попробую. Но на точность фактов рассчитывать с моей стороны не стоит. Подробности хотелось бы услышать от самих виновников...

Ася хотела влезть невпопад, но Людмила Юрьевна приложила палец к губам, чтобы она не смела перебивать директора.

— Итак, сегодня во время первого урока, когда ваши подопечные должны были находиться на занятиях, они почему-то гуляли по раздевалке.

— Я с ним не гуляла, — прыснула Ася.

— Тимохина! — покраснела классная руководительница пуще прежнего.

— Вот, говорит, не гуляла, — сняла очки Вера Викторовна. — Но кричать кричала, верно, Ася Тимохина?

— Верно! Но я защищалась!

— В-в-вруш-ш-шка! — не выдержал Кондик.

— Сам такой! Он мне туфли испортил, бант оторвал, — неожиданно заявила Ася.

— Игорь, — строго посмотрела на Кондика Людмила Юрьевна, — зачем ты так поступил? Это очень плохо, очень. Тебе и самому было бы неприятно, если бы твои вещи кто-то испортил.

— Д-д-да, н-н-но я...

— Нет, Игорь, этому нет никаких оправданий. Мальчики не должны обижать девочек, они должны их защищать и оберегать...

— А ещё он ворует! Пока мы сидим на уроках.

— Н-н-нет! — и Кондик заплакал от бессилия.

— Нытик! — злорадствовала Ася.

— Тимохина, ты что такое говоришь? Сейчас же объясни! Игорь, это правда? — срывающимся голосом спросила Людмила Юрьевна. Ей стало не по себе: вор, да ещё и в её классе!

Кондик хлюпал носом.

— Ну, полно, — вступила директриса. — Слезами горю не поможешь. А вот за проделки, ребята, надо отвечать. Кто прав, а кто виноват, я думаю, вы разберётесь сами, внутри своего класса. Но беседа с родителями неизбежна, милые мои. Впредь чтобы

в стенах школы я больше и краем уха не слышала о воровстве. Всё ясно?

— Всё, — ответила за своих пятиклашек Людмила Юрьевна.

— Тимохина, Кондратьев, вы свободны. Дневники ваши пока пусть полежат у меня. На уроки, по расписанию! Что там у вас следующее? Людмила Юрьевна, задержитесь на минуточку, решим кое-что.

Когда дверь в директорскую защёлкнулась за его спиной, Кондик побежал. Он бежал так быстро, как никогда раньше не бегал. Как умели только Таша и Генка Иванов. Словно вихрь, пролетел он по этажам школы и забился в свой любимый угол. Тяжёлый камень, огромная глыба, обрушился на него. Кондик знал, что никто ему не поверит, никто не выслушает. Куда заике тягаться с самой популярной девочкой в классе!

Дверь скрипнула.

— Привет, я знала, что ты здесь...

В подсобку заглянула Таша и, убедившись, что никто за ней не следит, вошла и аккуратно прикрыла дверь.

Кондик сидел заплаканный. Наслюнявленным пальцем на запылённом ведре рисовал человечка.

- П-п-привет...
- Я всё знаю.
- А-а-ася?
- Она.
- В-в-все з-з-знают?

Кондик дорисовал человечку зонт. Таша вздохнула и села на пол.

— Ты ведь не сделал ничего плохого, правда, Кондюша? Это ведь не ты? Ася врёт, что ты шарился по карманам? Ты ведь просто искал ключи? — в голосе девочки слышалось сомнение.

— Т-т-ты н-н-не в-в-веришь? — Кондик умоляюще посмотрел на Ташу.

— Я верю, верю, конечно, — заколебалась она. — Тебе ведь не нужны чужие значки и монеты?

Кондик понял: Таша попалась на Асины уловки. Что такого Ася успела наговорить, что теперь даже Таша, его верный друг и самая добрая девочка класса, стала считать Кондика тайным воришкой?! Он ничего не понимал. Ведь друзья должны верить друг другу, а не каким-то наглым задавакам, которые к тому же умеют мастерски обводить всех вокруг пальца.

— Э-э-это А-а-ася в-в-вор! — обиженно выкрикнул Кондик и пнул груды медных тазов.

— Она сказала, там были дежурный и директриса. И они что-то видели.

— Ни-ни-ничего о-о-они н-н-не в-в-видели!

— Кондюша, успокойся. Всё будет хорошо. Виновных найдут.

— Т-т-ты д-д-думаешь, что-о-о э-э-это я?

Таша осторожно пожала плечами.

— Не злись, Кондюша. Просто ты так быстро ушёл. И тебя так долго не было. И Аси тоже не было, я знаю. Но детективы не воруют, детективы только расследуют. Да?

— Т-т-ты н-н-не в-в-веришь! С-с-совс-с-сем!

Кондик резко подхватил с пола рюкзак и, не оглядываясь, вышел из тайного убежища. Таша не догнала его. Она действительно ему больше не верила.

Кондик медленно брёл по этажу. Что теперь с ним будет? Что скажут остальные одноклассники? И как доказать им, что он — невиновен?

— Смотрите! Вор! — крикнули вдруг за спиной. — Ко-ко-ко! Стой! Верни мои монеты!

Он в страхе обернулся. По лестнице, перепрыгивая через ступеньки, на него мчался Генка Иванов со своей сворой игроков в пять камней.

— Хватайте его, пацаны! Он брата подарок у меня спёр!

— А-а-а! — разнёсся громкий клич по всему холлу.

Кондик вжался в стену и приготовился к худшему.

— А ну марш на урок! — гаркнула директриса, возникшая будто из ниоткуда.

Кондик часто-часто дышал и судорожно всхлипывал.

— Не стой тут, Кондратьев, — взяла его за руку Вера Викторовна, — посидишь у меня, пока мама твоя не придёт. Она уже выехала с работы.

Мама действительно бросила все дела и посреди рабочего дня примчалась в школу.

— Игорёк — хороший мальчик, он и мухи не обидит! Кто его лучше меня знает? Конечно, никто! — суежилась она возле зарёванного Кондика.

— Может, водички? Чай, кофе? — предложила директриса.

— Нет, спасибо. Игорёша, ты ведь ничего не брал? Только не увиливай. Я знаю, сейчас не самое лёгкое для нас двоих время. Сынок, я всё пойму и всё приму.

— Э-э-это н-н-не я.

— Я своему сыну верю! — мама обняла Кондика.

— Давайте поговорим наедине, — предложила директриса.

И Кондика попросили подождать в коридоре. О чём мама шепталась с Верой Викторовной, он

не слышал, хоть и пытался приложить ухо к стене директорского кабинета. Не хватало гранёного стакана, чтобы получилось настоящее шпионское подслушивающее устройство. Но ни одного стакана поблизости не нашлось.

Беседа тянулась долго. Так долго, что терпение Кондика готово было вот-вот лопнуть, как мыльный пузырь. Он мучился, ёрзал и пугался любого постороннего звука на этаже. Ему то и дело мерещились голоса Генки Иванова с друзьями где-то в конце коридора. Правда, никого там на самом деле не было. Только дежурный иногда делал замечания прогульщикам.

Мама вышла от Веры Викторовны нерадостная, с красными глазами. Она молча взглянула на сына, взъерошила рукой его непослушные волосы и достала из сумочки лимонный леденец.

— Ты ведь любишь лимонные?

— О-о-очень.

Кондик развернул ярко-жёлтую шелестящую обёртку, положил карамельку в рот.

— Пойдём-ка домой, милый.

Кондик с мамой медленно брели по бульвару, укрывшись под зонтом от холодного дождя. О школьном происшествии они больше не вспоминали.

Правда, Кондик понимал, что разговор ещё впереди.

Дома всё стало ясно.

— Тебя постоянно обижали, Вера Викторовна сказала.

— Н-н-нет, — замотал головой Кондик. Он стыдился издёвок.

— Учителя подтвердили. Давно тебя обзывают, сынок?

Кондик без остановки мешал сахар в кружке с чаем.

— Молчание — не всегда золото, родной. Есть ситуации, о которых не надо молчать. Тебя били? Я только хочу помочь. И Вера Викторовна тоже хочет помочь. Та девочка, Ася, — она это нарочно, да?

— Д-д-да...

— Хотела посмеяться над тобой?

— О-о-она в-в-ворует.

— Тебе там плохо?

— Н-н-нет, у-у-у м-м-меня е-е-есть д-д-друг, — сказал Кондик, но сразу же осёкся.

— Я не хочу, чтобы тебя обманывали, чтобы причиняли боль и говорили нехорошие слова. Мы подумали, стоит что-то поменять.

— П-п-пом-м-менять?

— Именно. Если тебе где-то плохо, надо уйти оттуда, где плохо. Верно?

— Н-н-нет, я н-н-не х-х-хочу, — опять замотал головой Кондик. Любые перемены его пугали.

— Ничего не бойся, мы с папой тебе поможем. Мы найдём новую школу. Ту, которая тебе подойдёт.

— К-к-как-к-кую? О-о-они с-с-скаж-ж-жут, чт-т-то я т-т-трус!

— Никто ничего не скажет! Ты больше не вернётся в свою старую школу.

— Н-н-но м-м-мама!..

— Так будет лучше. Для всех нас. Недалеко от папиной работы есть прекрасная школа, где учатся дети с такими же проблемами, — запнулась мама, — с такими же особенностями речи, как у тебя. Тебе там обязательно понравится. И папа будет забирать тебя сразу же после занятий.

— 3-з-зачем? Я у-у-уже б-б-больш-ш-шой! — запротестовал Кондик.

— Всё так, родной. Но мы должны понимать, что тебе ничто и никто не угрожает. Никто больше не поднимет на тебя руку, обещая. Ни о чём не тревожься.

— Я у-у-урод, д-д-да?

— Какая глупость! Не смей так говорить! Ты — замечательный!

— Э-э-это н-н-не п-п-пройд-д-дёт? Я т-т-так и-и б-б-буду з-з-заик-к-каться?

— Пройдёт, — улыбнулась мама, — обязательно пройдёт.

— Н-н-но к-к-когд-д-да?

— Скоро, совсем скоро.

Глава 6

Капсула времени

Наступила весна, звонкая, тёплая, с яркими пятнами цветов, разбросанных то тут, то там по парковым клумбам. Кондик радовался солнцу, радовался безоблачному небу, первым насекомым, пробудившимся ото сна, и своим новым друзьям,

которые показали ему, что всякая погода может быть хорошей.

Игорь теперь не прятался по углам и не возвращался из школы домой через чёрный ход в конце столовой. Он перестал опасаться всех мальчишек в школьной форме и девчонок с бантиками на туфлях. Ему не придумывали обидные клички и не смеялись, когда он долго читал задания из учебника.

Дождь стал просто дождём, а слоги быстрее складывались в слова.

— Ми-миша! Та-там открыто! — позвал Кондик веснушчатого друга в больших очках.

Сезон аттракционов наконец стартовал, и мальчишкам хотелось прокатиться на всех каруселях, которые только были в парке.

— Димка, мы здесь! — закричали они уже хором, завидев ещё одного своего одноклассника.

Дима в ответ помахал и, спугнув ворковавших на скамейках голубей, взял отличный разгон, чтобы занять лучшее место на «Лодочках».

— На зелёную! Давайте на зелёную!

— Да-давай!

— Я на ракете, а вы в туалете!

Мальчишки запрыгнули в лодку и принялись раскачивать её, то приседая, то выпрямляясь. Большие качели поднимались до самых верхушек деревьев и тут же летели вниз, так резко, что дух захватывало.

А когда время катания кончилось и работник аттракциона нажал на пульте управления круглую кнопку «стоп», дно лодки магнитом притянуло к платформе. Карусель остановилась, и мальчишки наперегонки метнулись к магазину с мороженым.

— Клубничное!

— Ба-банановое!

— Фисташковое!

Продавщица заулыбалась.

— Сиропом полить? — спросила она.

— Да! — хором ответили друзья.

— И шоколадной крошкой посыпать, — добавил Мишка.

— Не-не слипнется? — хохоча, спросил Кондик.

— Не-а! Я потом ещё конфету съем.

— У него один молочный зуб остался! Он с ним так борется! — засмеялся Димка. — Ну что, в тир?

— А мо-может, на-на «Сюрприз»?

— Не, — возразил Миша, облизывая мороженое, — я «Сюрпризов» не люблю, меня от них укачивает!

— Фу! — скривился Димка. — Не возьмут тебя в космонавты! Иначе ты им всю ракету испачкаешь! Ещё на старте!

И мальчишки расхохотались.

— А давайте в кино? — предложил Мишка.

— Да ну, погода слишком хорошая.

— В фу-футбол во д-дворе?

— Скучно, — возразил Димка. — А давайте придумаем какое-нибудь тайное место?

— Тайное? — не понял Мишка. — А зачем оно?

— Как зачем, дурила! У всех друзей есть какие-то секреты!

— Мы там что-то прятать будем?

— Можем и спрятать! Капсулу времени, например.

— Ка-капсулу?

— Конечно! Вы что, не слышали о такой? — удивился Димка.

— Нет!

— Не-нет!

— Ну вы даёте! Это ж целое путешествие во времени, только без машины времени!

— А что д-для этого на-надо? — заинтересованно вытаращился на друга Кондик.

— Да, что... ик... надо-то? — подхватил Мишка. Он первым расправился со своим мороженым и теперь от холодного десерта начал икать.

— Памятные вещи!

— Фо-фотографии?

— Почему бы и нет! — развёл руками Димка. — Фотографии, письма. Это же будет посланием нам будущим от нас прошлых!

— Я ничего... ик... не понял! — объявил Миша.

— Водички попей! Ты мне всё ухо проикал.

Мишка ещё раз громко икнул, набрал побольше воздуха в лёгкие и задержал дыхание.

— Уже лучше, — хлопнул его по спине Димка, и Миша, как назло, снова икнул. — Говорил же тебе попить. Ладно. Рассказываю дальше. Капсула времени — это коробка.

— Ко-коробка?

— Не перебивай, Игорёк! Коробка, обычная, в которую можно сложить разные вещи. Что-то связанное с нашей дружбой, о чём потом будет интересно вспомнить. Вот у тебя есть такие вещи?

— Есть! Б-брелок, который ты м-мне на-на день рождения по-подарил.

— Вот! Верно мыслишь! А у тебя, дурень ты икотный?

— Фуф, вроде отпустило! — держался за живот Мишка. — Чё?

— Ничё! Ты слушаешь вообще?

— Слушаю!

— Что в капсулу класть будешь?

— Что-то, что мне не особо жалко.

— Ну ты, Мишка, жлоб! Надо же что-то хорошее такое, про дружбу.

- Д-да, — согласился с Димкой Кондик.
- Про дружбу, значит? Тогда дневник.
- Ты совсем ку-ку? Зачем в капсуле времени твой дневник?
- Во-первых, он о школе. Значит, и о нас тоже. Мы потом прочитаем все подписи учителей под двойками по поведению и вспомним, как весело было. Ну и жалеть о нём я точно не стану!
- Голова! Ха-ха-ха!
- То-точно! — оценил и Игорь выбор Мишки.
- А сам-то ты что придумал?
- Фотографию общую, чтобы не забыть, какими мы были... — Димка мечтательно посмотрел вдаль.
- Би-билеты н-на автобус можно?
- Можно! Всё можно: билеты, монетки, амулеты из дерева, которые на технологии сделали, да хоть муху засушенную!
- Класс! — подпрыгнул Мишка и дотронулся рукой до ветки ивы, на которой блестели первые липкие листочки.
- К-класс!
- Минут пять компания молча двигалась вдоль набережной. Каждый перебирал в уме картинки

того, что хотел бы положить в капсулу времени на долгую память.

— А потом мы её куда? — прервал свои размышления Мишка.

— Кого? — Димка всё ещё витал в облаках.

— Капсулу! Куда мы её денем?

— Спрячем. В надёжном месте!

Кондик знал одно такое надёжное место прямо в парке, под ступенью каменной лестницы. Правда, когда-то оно слишком сильно его подвело и лишило дедушкиного компаса, а вместе с ним и лучшей подруги, и доверия целой школы. Нет, пожалуй, не стоило рисковать.

— Д-давайте у кого-нибудь до-дома? — предложил Игорь.

— Да какое дома! Это ж капсула! — Дима повысил голос. — Капсула времени! Мы её зароем!

— Как зароем? — поправил очки Мишка. — Да и где?

— А где хотите! Мест, что ли, мало?

— М-много, — ответил Кондик, но тут же засомневался, есть ли и правда такие места, где их капсулу никто не вскроет.

— Взять хотя бы утиный остров!

— Утиный? И как мы туда с твоей капсулой? Вплавь? — засомневался Мишка.

— Конечно! А как иначе? Остров неприступный, а значит, тайный. Никто на него, кроме нас, попасть не сможет. И про капсулу не узнает. Возьмём катамаран и доплывём.

— Посреди бела дня?

— Л-людей м-много!

— Много, — не спорил Димка. — А когда их тут мало бывает?

— В д-дождь, — смекнул Кондик.

По закону подлости, за неделю ни одной капли с неба так и не упало. Капсулу времени за семь дней три раза собрали и столько же разобрали. Мишке вдруг приспичило почиркать под одеялом двумя кусками белого кварца, которые успели стать частью секретной капсулы. Димка вспомнил, что не завернул фотографию в пакет, чтобы за долгие годы лежания в земле она не отсырела и не сгнила. А Кондик просто менял одно на другое и докладывал что-то совсем новое.

В среду, когда капсулу времени решено было окончательно и бесповоротно запечатать, обернув пятью слоями упаковки и изоленты, погода немного

наладилась. Ну то есть нехотя опрыскала город противной моросью.

— И это, по-твоему, лучшее время для раскопок? — ворчал теплолюбивый Мишка, повыше поднимая воротник куртки.

— Х-холодно, — соглашался с ним Кондик.

— Главное, чтобы лодочная станция работала, иначе всё пропало, — Димка приглядывался к катамаранам, качающимся на волнах. — Есть там кто-нибудь?

— Вроде нету...

— Есть! Та-там хо-ходят! — вдруг радостно закричал Кондик. Он заприметил чью-то тень в сарае для буйков и спасательного снаряжения.

Димка тоже стал всматриваться в тёмные окна сарая. Сначала он решил, что Кондик увидел лишь отблески озера в стёклах. Но потом в домике действительно началась какая-то возня.

— Там сторож! Бежим к нему!

— Давайте без «бежим», я уже одну штанину насквозь промочил. И очки потеют.

— Мишаня, не ной! Когда ещё так повезёт? Вдруг до самого конца мая солнце шпарить будет? Пролетим тогда с капсулой!

— Подумаешь, солнце. Зато сухо, в кроссовках не хлюпает.

— Б-бросай в-ворчать, — Кондик протянул другу носовой платок. — Су-сухой, протирай с-свои о-о-куляры.

— Спасибо, — уныло ответил Мишка.

Сарай оказался заперт. Изнутри. Замка на двери не было, но и на стук никто не отзывался.

— Уснул, наверное, — предположил Димка и забарабанил громче.

— Да-давай я п-постучу?

— А разница? Я и сам в такую погоду поспать люблю. Мама говорит, что меня в дождь пушкой не разбудишь.

— И сторожа, по ходу, тоже, — буркнул Мишка и запрыгал на одной ноге, чтобы согреться.

— Тук-тук! Есть кто?

— П-приплыли...

— Рано или поздно он проснётся!

— А нам стоять тут и мёрзнуть?

— Зачем стоять? Ты ж вон прыгаешь! Вот и прыгай.

— М-мишка п-прав, Д-дим.

— Не начинайте! Мы и так долго готовились... Я даже сам собирался с шаманским бубном ливень

вызывать. Чего вы ржёте? Между прочим, я книгу про обряды в библиотеке взял. Соврал, что по истории доклад задали.

— Представляю, как Сова удивилась, когда узнала от исторички, что никакого доклада не задавали, — хихикнул Мишка.

— Очень смешно. Вот расскажу Нине Павловне, что ты её Совой называешь, фиг она тебе после этого хоть одну книгу выдаст.

И когда Димка хотел продолжить разговор, в глубине сарая что-то брякнуло, звякнуло, покатилося, и за стеной послышались глухие шаги. Кто-то долго возился с замком, а потом с силой пытался открыть просевшую дверь.

— Ну кто там? — скривив нос, высунулся в щёлку какой-то мальчишка.

— А где сторож? — удивился Димка, ожидавший увидеть кого-то повзрослее.

— Где надо. Занят он. Чего вам?

— Нам бы катамаран, — подошёл поближе Мишка.

Помощник сторожа, щурясь после темноты сарая, оглядел друзей усталым взглядом, потом хорошенько потёр глаза кулаками и хитро ухмыльнулся.

— Ко-ко-ко, ты, что ли?

Кондик от неожиданности попятился.

— Осторожнее, а то нырнёшь, потом спасателей вызывай, — бросил мальчишка, лениво ковыряя пальцем в носу.

— Ге-генка! — процедил сквозь зубы Кондик.

— Смотри-ка, узнал. Сколько лет, сколько зим.

— Игорёк, так это твой знакомый? — обернулся Димка.

— А почему Ко-ко-ко? — поинтересовался Мишка.

— По-потому что, — передразнил заику Генка.

— Не смешно, — осуждающе кинул Димка.

— И мне не смешно, — добавил Мишка.

— О-он м-мне н-не з-знакомый, по-пошли, ребята.

— Уже уходите? Жалко. А катамаран?

Генка Иванов, гордо сложив руки на груди, подпирал разохшийся дверной косяк.

— Сам на своём катамаране катайся. Без тебя как-нибудь разберёмся, — плюнул Димка на асфальт возле ноги неприятеля.

— Нечего тут плевать. Обидчивые какие. Эй, Кондратьев! Друзьям своим скажи, это место общественное, тут за чистотой люди хорошие следят. А вы вон пристань испачкали.

— Ты, что ли, человек хороший? — взбунтовался Димка, который был на целую голову ниже Генки.

— Зачем ты Игоря обижаешь, что он тебе вообще сделал?

— Заступнички, посмотрите все на них! Больно мне нужен ваш Кондратьев. Не надо катамаран, значит, не надо. Закрыта пристань.

— Стой, — ухватился Кондик за дверную ручку, — надо ка-катамаран. А за о-обзывательства ты о-ответишь!

— Так это он, Игорёк? Тот самый одноклассник, из-за которого тебя к нам перевели? — вспомнил Димка грустную историю друга.

— Кто старое помянет, тому глаз вон! Знаешь такую поговорку?

— З-знаю, — крепко держал ручку Кондик.

— То-то же!

— А почему ты решил, что Игорёк твои монеты украл?

— Почему, почему... Откуда я знал, что это не он стырил! Его ж вроде как с поличным поймали. И Аська Тимохина всё подтвердила. Я и поверил. Как не поверить? Кондратьева и к директору водили, и мать в школу вызывали.

— Так нашли настоящего вора потом? — заинтересовался Димка.

— Нашли. Ты, Кондратьев, это... ну, как там говорится... извини, — неумело попросил прощения Генка.

— Извини? И это всё? Добренький какой. Игорёк из-за вас...

— Ди-димка, ка-катамаран, — напомнил Игорь. — В-время!

— Если бы не дела, — припугнул Генку Дима.

— И кто воровал? — всё-таки спросил Мишка. — Что вы так на меня смотрите? Мне интересно!

— Так Аська и воровала! Брехливая оказалась.

— К-как т-ты узнал?

— От Зойки. Аська у неё в гостях была. А когда ушла, из дома какая-то вещь пропала. Не особо ценная, но всё равно странно, ага? Зойка за Аськой следить стала.

— Зойка — это кто? И Аська? — уточнил Мишка.

— Одноклассницы наши. Ну, кому-то бывшие, — запнулся Генка. — Подружки были. Прямо сю-сю-сю. Были да сплыли. А вы чего в такую погоду, кстати, плыть собрались? Может, солнца подождать? Чтоб

подсохло всё. Да и по технике безопасности нежелательно.

— Н-нет, — сказал Кондик.

— Ты почему за всех решаешь? Главный, что ли? Слушай, а ты вроде и заикаться как-то меньше стал. Или не видел тебя давно, показалось...

— У нас главных нет, — ответил за Игоря Димка. — Мы все главные.

— Д-да. Ка-катамаран дашь?

Генка, встав в позу философа-мыслителя, долго решал, дать или не дать. В этом был его главный вопрос. Ведь дать-то оно можно, за плату с каждого, как за три билета. Жилеты всем спасательные выдать, по инструкции, и круг к катамарану привязать. Вот только похвалит ли отец за выручку или уши надерёт, что без него посетителей на станцию пустил, Гена не знал.

— Дам, если скажете, зачем вам в такую погоду. Странные вы какие-то. А что за коробка у вас? Кошку хоронить собрались?

— Никого мы не хороним.

— Ну, раз не хотите говорить — ждите сторожа.

— Некогда нам ждать, — сдался Мишка. — У нас капсула!

— Чего? — Генка попытался рассмотреть коробку внимательнее.

— Мишка, дурак! Кто тебя за язык тянул? — рассердился Димка.

— Н-не ру-ругайтесь! Дождь ко-кончается!

Мальчишки все вместе подняли головы и увидели, что ливень почти стих.

— Пацаны, так что за капсула?

— Времени! — задёргался Димка, заметив первых прохожих с зонтами возле лодочной станции.

— А куда она переносит? В прошлое? — взбудоражился Генка.

— В бу-будущее, — ответил Кондик.

— Ты обещал, что катамаран дашь, если расскажем! Слово своё держи!

— Дам. Только меня с собой возьмите! Капсула времени — обалдеть... Мне прямо любопытно, — упёрся Генка.

Трое друзей отошли, чтобы немного посоветоваться, и решили, что делать нечего. А вдруг главный по станции их с коробкой потом и вовсе в катамаран не пустит! Да и дождей в ближайшие дни не обещали...

— Ну, надумали? — поторопил Генка.

— Поплыли. Только предупреждаем! Если хоть кому-нибудь...

— Я не из болтливых. В красный садитесь. Билеты сначала купите! И жилеты наденьте. У вас, в смысле у нас, полчаса. Потом сторож придёт.

Мальчишки прыгнули в катамаран и, со всей силой крутя педали, добрались до середины озера. Там, словно мираж, красовался зелёный утиный островок с десятком плакучих ив, свисавших над водой.

— Подтягивайте ближе! И за ветки хватайтесь! Осторожно! — управлял швартовкой Димка. — Как тебя звать хоть?

— Генка!

— Очень приятно. Катамаран к стволу привяжи, чтоб не уплыл.

После слаженной работы мальчишки высадились на остров, почти не промочив ноги.

— А теперь? — Генке хотелось побыстрее узнать секрет коробки в изолене.

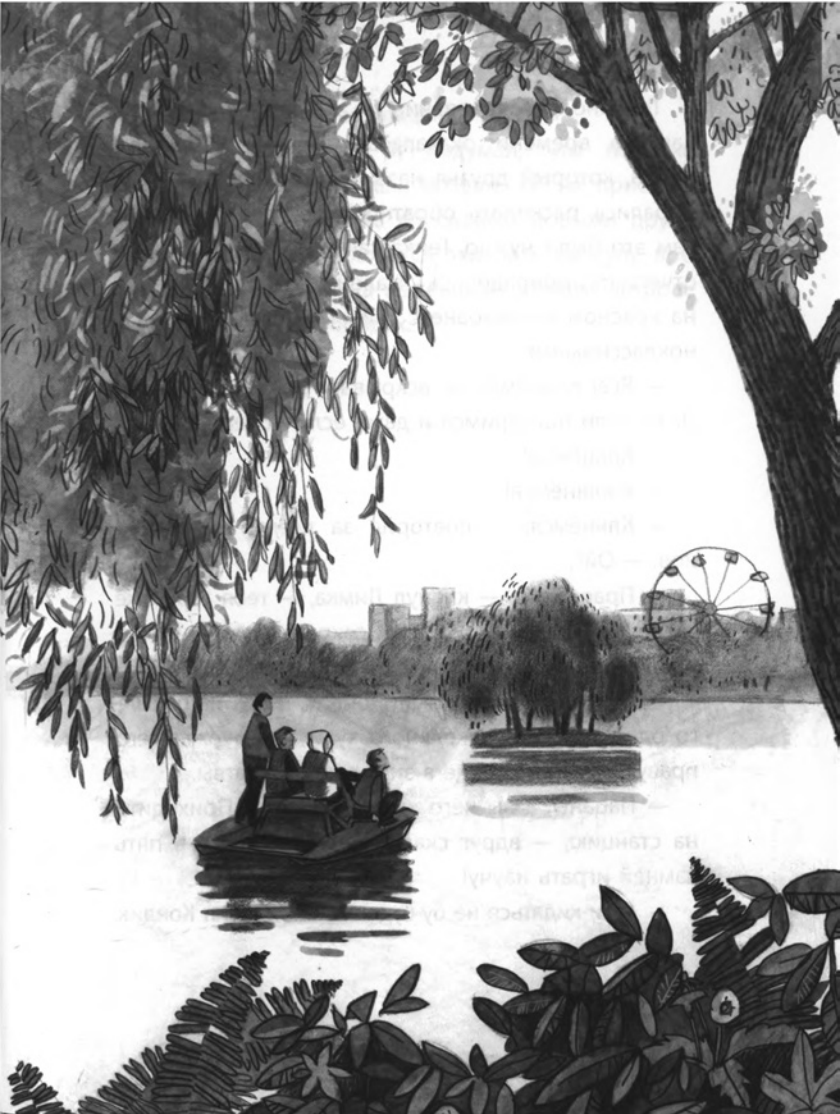
— Те-теперь ко-копать.

— Зачем?

— Чтобы спрятать, — сказал Миша.

— Механизм? — не понял Генка.

— Какой ещё механизм? — засмеялся Димка.

Генкино разочарование не знало границ, когда капсула времени оказалась обычным сборищем хлама, который друзья называли «памятным» и собирались раскопать обратно через десять лет. Зачем это было нужно, Генка так и не понял. Но ему отчего-то понравилось маленькое приключение на красном катамаране с заикой и его новыми одноклассниками.

— Всё! Клянёмся не вскрывать раньше времени! Даже если поссоримся и даже если подерёмся!

— Клянёмся!

— К-клянёмся!

— Клянёмся, — повторил за всеми Генка Иванов. — Ой!

— Правильно, — кивнул Димка, — тебя это тоже касается! Теперь это общий секрет. А ты — свидетель! Как в суде, вот!

— То-точно, — захихикал Кондик, глядя на бывшего одноклассника, школьного хулигана, державшего правую руку на сердце в знак вечной клятвы.

— Пацаны, а вы чего завтра делаете? Приходите на станцию, — вдруг сказал Генка. — Я вас в пять камней играть научу!

— А ки-кидаться не бу-будешь? — спросил Кондик.

— Не буду! Обещаю, пацаны.

Кондик улыбнулся и подумал, что неплохо было бы позвонить Таше, позвать её на пристань в парке и познакомить со своими новыми друзьями. Может, и ей захочется закопать капсулу времени, чтобы вместе на маленьком утином острове позабыть обо всех обидах.

Оглавление

Глава 1

Тайник	5
---------------------	----------

Глава 2

Страшные подозрения	21
----------------------------------	-----------

Глава 3

«У меня есть идея»	37
---------------------------------	-----------

Глава 4

Та самая девочка	54
-------------------------------	-----------

Глава 5

«Мой одноклассник — вор!»	71
--	-----------

Глава 6

Капсула времени	89
------------------------------	-----------

Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 6+

ЯШИНА Екатерина Юрьевна
ДВА ЗНАЧКА И МОНЕТКА

Художник Маша Шебеко

Генеральный директор Наталья Эйхвальд

Главный редактор Анна Осташевская

Ведущий редактор Вера Алексина

Технический редактор Лита Ли

Литературный редактор Татьяна Бобрецова

Художественное оформление Владимир Елисеев

Вёрстка Леонид Харченко

Корректоры Евгения Якимова, Татьяна Манцевич

ООО «Издательский дом «Пять четвертей»
115419, Москва, 2-й Рощинский проезд, дом 8, строение 5
fivequarters.publishing@gmail.com

Ищите нас в социальных сетях:

По всем вопросам,
связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в компанию «Лабиринт»:
8 (495) 780-00-98; www.labyrinth.org

Подписано в печать 19.10.2021.

Формат издания 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1.

Тираж 4000 экз.

Произведено в РФ. Дата изготовления 20.11.2021.

Срок годности не ограничен.

Отпечатано в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

Заказ № P-748.

